Данило Игнатьевич и его сын Михайло

А-й да во славном нонь городи во Киеви
А-й да у ласкова князя да у Владимера
А собиралось пированьё, да был почесьен пир
Да про всех ґоспод да лучших бояров,
А да про сильних-могучиих богатырей,
А да про тех палениц-девиць удалые.
А да и все ли на пиру были сыты-веселы,
А да и все на чесном да напивалисе,
А-й да и все ли на пиру да приросхвастались:
А-й да богатой-от хвастаёт золотой казной,
А-й да богатырь хвастат да сильней силою,
А-й да наезничек хвастает добрым конём.
А-й да един седит удалой да доброй молодец,
А да не пьёт, тут не ест, сидит — не кушает,
Ах, да и белое лебёдушки не рушает,
Ах, да нечем он, сидит, да тут не хвастает.
А-й подходит к ему Владимер, князь стольне-киевской:
«А уж ты ой еси, Данило да сын Игнатьевич!
А-й што же ты сидишь ноньче — не пьёшь, не ешь,
А-й да не пьёшь ты, не ешь, сидишь — не кушаешь,
А-й и белое лебёдушки не рушаешь,
А да ничем ты, сидишь, ноньче — не хвастаешь?»
А-й да ставал-де Данило да на резвы ноги,
А-й говорыл-де Данило да таково слово:
«А уж ты ой еси, Владимер стольне-киевской!
А-й не изволь меня за слово скоро сказнить,
А-й да скоро меня сказнить, да круто вешати,
А-й да не сади миня в погребы глубокие,
А-й да позволь мне, Владимёр, да слово молвити!» —
«А-й говори-тко, Данило, да что те надобно,
А-й что те надобно, Данило, да чево хочыцсэ!» —
«А уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-киевской!
А-й ты позволь мне-ка снять платьё боґа[ты]рьскоё,
А да одеть мне-ка скиму да нонь калицкую
А да итти мне ф манастыри спасатисе!»

А-й говорил-де Владимер, князь стольне-киевской:
«А уж ты ой еси, Данило да сын Игнатьевич!
А-й как навалицсэ на меня дак сила-армея,
А-й сила-армея навалицсэ, орда проклятая —
А-й тада хто у мня будет всё зашшитником,
А-й да и хто у мня будет да сохранитёлём?»
А-й говорыл-де Данило да сын Игнатьевич:
«А-й уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-киевской!
А-й остаюцса у вас сильнии боґатыри,
А-й да не много, не мало — их двенаццэть есть;
А-й сохранят они тебя да все твое житье.
А-й ишше есь у миня да чадо милоё
А-й да и милоё чадышко любимоё,
А-й да и отроду ему — да всё ведь семь годов,
А-й да по имени Михайло да сын Данильевич.
А-й да он ездит теперичe на моём кони,
А-й да играет моей паличей буёвую,
А-й да и мечет её да по поднебесью,
А-й да хватает назад её едной рукой.
А-й навалицсэ когда на тебя сила-армея,
А-й да не будёт у тибя тогда защитников —
Позови ты тогда да всё Михайлушка,
А-й да Михайлушка зови, моево сына:
А-й да тогда будет тебе он защитником!»
А-й говорыл-де Владимёр да таково слово:
«А-й поежжай, Данило, да куда надобно,
А-й куда надобно, Данило, да куда хочицсэ!..»
А-й да минулось тому времечки ровно семь годов —
А-й навалиласе сила да ноньче армея,
А-й роспроклятые бурзы, да всё тотарины.
А-й посылают послов да ноньче строгиех
А-й ко тому же ко князю да ко Владимеру:
«А-й посылай ноньче к нам да п[о]единьшичка!»
А-й тут згорюнилса Владимер, князь стольне-киевской;
А-й собирал-де Владимёр нонь почесьен пир
Да про всех про купцэй, людей боґатыех,
А-й да про всех же людей да знаменитыех,
А-й да про всех же про сильниех боґатырей.
А-й да собралосе народу да очень множество.

А-й да ходил-де Владимер да по светлой грыдьни:
«А-й уж вы ой еси, князя да все боярыны!
А ише хто у меня пойдёт ноньче из вас защитничком
Да и с тем же тотарином воевати-се?
А-й да дам я тому да много силы-армеи».
А да старшой хароницсэ за среднево,
А-й да средьней хороницсэ за младшево,
А-й да от младшово Владимеру — ответу нет!
А-й говорыл-де Владимер да во второй након,
А-й говорыл-де Владимер да во третьей након.
А-й з-за того же з-за стола да белодубова,
А-й да со той же скамеечки кошещатой
А-й да ставал-де удалой да доброй молодец,
А-й да по имени Добрынюшка Микитич млад.
А-й да ставал-де Добрыня да низко кланялсэ,
А-й говорыл-де Добрыня да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-киевской!
А-й не изволь миня за слово скоро сказнить,
А-й да скоро-де сказнить, да круто вешати;
А-й да позволь мне, князь Владимёр, слово молвити!..» —
«А-й говори-тко, Добрынюшка, что те надобно,
И что надобно, Добрынюшка, чево хочыцсэ». —
«А-й уж ты ой еси, Владимер, князь столь[не]-киевской!
А-й да минулось тому времечки семь годов —
А-й отпустили вы Данила сына Игнатьева,
А-й да и сильнево нашево боґатыря,
А-й отпустили вы его да всё в манастыри —
А говорил тут Данило да таково слово,
А-й обешшал вам Данило да своево сына
А-й своево-де сына да вам защитничком!»
А-й говорыл-де Владимер да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич млад!
А-й да бери ты скоре своего коня добраго,
А поежжай ты к Михайлу сыну Данильеву,
А-й да проси-тко его нонь на почесьен пир,
А-й да проси ты его да нонь умнешэнько,
А-й чтобы ехал Михайлушко скорэшенько!»
А-й да поехал Добрынюшко к Михайлушку.
А-й заежжал же Добрынюшка на широкой двор,

А-й заходил-де Добрыня да во светлу грыдьню,
А-й говорыл-де Добрынюшка таково слово:
«А уж ты здрастуёшь, Михайло да сын Данильевич!
А-й просил вас Владимер, князь стольне-киевской,
А-й да просил вас Владимер да на почесьен пир».
А-й отвечал-де Михайло да сын Данильевич:
«А-й уж ты здрастуёшь, Добрынюшка Мекитич млад!
А-й неужели у Владимера без миня пир не йдет?
А-й да теперче я да всё — мальчишечко:
Да от роду мне только четыренаццать лет!» —
«А-й да просил вас Владимер да ноньче чеснёшенько!»
А-й умывалса Михайло да поскорэшенько,
А-й одевалсэ Михайло да покрутешенько,
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А-й уж вы ой еси, слуги да мои верныи!
А-й обседлайте скоре мне коня борзаво,
А-й выводите ево да на широкой двор!»
А-й да поехали удалы да добры молоццы,
А-й да поехали они да в стольне Киев-град
А-й ко тому же ко князю да стольне-киевскому.
А-й заежжали тут о[а]ни да на широкой двор —
А-й да стречал тут Владимер да стольне-киевской,
А-й да стречал-де Владимер со всема боґатыреми.
А-й заходил-де Михайло да на красно крыльчё,
А-й да ступил-де Михайлушко правой ногой —
А-й да приступок до приступка да догибаиццэ.
А-й заходил-де Михайло да во светлу грэдьню.
А-й говорил-де Владимер да таково слово:
«А-й приходи-тко, Михайло да сын Данильевич!
А-й да прошу я покорно да за почесьен пир;
А-й да садись-ко, Михайло, да куда надобно,
А-й куда надо Михайлу, да куда тибе хочичсэ!»
А-й да садилсэ Михайло да за убраной стол —
А-й угощали тут Михайла разными напитками.
А-й говорил-де Владимёр да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Михайло да сын Данильевич!
А-й не пособишь ле ты нонь моему горю?
А-й навалилась на меня да сила-армея,
А-й роспроклятыя бурзы, да нонь тотарины,

А-й навалилось нонь — да всё ведь сметы нет,
А-й да просят от меня да поединьшичка.
А-й да нету в боґатырях да всё защытничка!»
А-й отвечал-де Михайло да сын Данильевич:
«А уж ты ой еси, Владимер да князь стольне-киевской!
А-й да какой защитник я да Вам теперече?
А-й ишше от роду ведь мне да только четыренаццать лет —
А да сбросят боґатыри меня с добра коня!»
А-й говорыл Владимер, князь стольне-киевской:
«А уж ты ой еси, Михайло да сын Данильевич!
А-й благословил мне тибя да твой родной батюшко
А-й защищать нонь тибе стольне Киев-град!»
А-й говорил-де Михайло да сын Данильевич:
«А уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-киевской!
А-й да нету у мня да платья боґатырского,
А-й да и нету у мня нонь копья долгомерново,
А ишше нету у мня да сабли востроей,
А-й да и нет у мня палицы буевоей, —
А-й да пошли ты боґатыри во чисто полё
А-й ко тому же ко камешку ко Латырю:
А-й да и есь тут под камешком сбруя боґат[ыр]ская:
А-й привезли бы они мне эту сбруюшку!»
А-й поворотилсэ Владимер да ко боґатырям:
«А-й поежжайте-ко сильнии боґатыри,
А-й поежжайте-тко во чисто полё;
А-й да везите скоре платьё боґатырскоё
А-й с-под того же тут камешка из-под Ла́киря».
А-й да поехали удалы да добры молоццы
А ко тому же ко камешку ко Лакирю,
А-й соскочили тут они да со добрых коней,
А-й обошли тут они да всё вокруг ево,
А-й начинали тут его да подымати нонь
А-й все двенаццать нонь сильниех боґатырей —
А-й не могли ево тут, камешка, от земли поднять;
А-й да поехали назад да без всево топер.
А-й приежжают тут они да в стольне Киев-град,
А-й отвечали тут они да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-киевской!
А-й не могли мы достать платья боґатырсково,

А-й не могли мы поднять да камня Ла́тыря».
А-й да скочил-де Михайло да на резвы ноги,
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«Ой уж вы ой еси, сильние боґатыри!
А-й отведите вы мне да камень Латырь нонь».
А-й говорыл-де Добрынюш[к]а Микитич млад:
«А-й да поедём-ко, Михайло да сын Данильевиць,
А-й да поедём мы с тобой дак во чисто полё —
А отведу я тибя да камень Латырь нонь».
А да скочили тут они да на добрых коней,
А да подъехали ко камешку ко Латырю.
А соскочил-де Михайло да со добра коня,
Ай подошол-де ко камешку ко Латырю,
А-й обошол-де Михайло его три раз кругом,
А-й говорыл-де Михайло да таково слово:
«А-й пособи мне-ка, Ґосподи, поднять ево!»
А-й да и взял тут Михайлушко едной рукой,
А-й да поднял етот камешок ведь стоя нонь,
А-й да увидял: там платье лежит нонь цветноё,
А-й да и цветное платьё да боґатырскоё.
А-й вынимал тут Михайло да платьё цветноё,
А-й одевал-де Михайло да поскорешенько;
А-й вынимал-де Михайло сбрую лошадиную,
А-й седлал-де коня да свойво доброво;
А-й да и взял он копьё да долгомерноё,
А-й да и взял себе паличу буёвую,
А-й да и взял себе сабельку нонь вострую.
А да садилсэ Михайло да на добра коня,
А-й говорыл-де Михайло да таково слово:
«А уж ты ой еси, Добрынюш[к]а, Микитич млад!
А поежжай-ко, Добрынюш[к]а, в стольне Киев-град».
А-й да уехал тут Михайло да из виду ведь нонь,
А-й да уехал тут Михайло да во манастыри
И ко своёму-де батюшку родимому.
А приежжал-де Добрынюшка в стольне Киев-град
А-й ко тому же ко князю да стольне-киевскому;
А-й говорыл-де Добрынюшка таково слово:
«А-й да подъехал Михайло к камню Латырю,
А-й да поднял ево да единой рукой;

А-й вынимал нонь он платье да сибе цветное,
А-й вынимал себе платьё да боґатырскоё,
А-й одевалсэ Михайло да нонь скорэшенько;
А-й седлал-де, уздал свойво коня доброво,
А-й да садилсэ Михайло да на добра коня,
А-й да сказал мне Михайло да таково слово:
„А поежжай ты, Добрынюш[к]а, в стольне Киев-град!”
А да и столько я Михайла ноньче видял тут,
А да и скрылсэ Михайла да всё из глаз от меня».
А-й приежжал-де Михайло да во манастыри,
А подъежжал он к ограды да всё высокое,
А-й да крыкнул он голосом высокием:
«А-й уж ты здрастуй, мой батюшко радимые!
А-й да дай мне бласловленьичё великоё
А-й да и ехать мне нонече во рать-силу
А-й воёватцса мне с тотаринами проклятыми!»
А-й услыхал тут Данило да сын Игнатьевич,
А-й да открыл он ведь форточку нонь маленьку,
А-й говорыл-де Данило да таково слово:
«А-й поежжай ты, дитя моё родимоё,
А-й поежжай ты, дитя: да ведь Ґосподь с тобой!
А-й да подъедёшь ко силы, да ты ко армии —
А-й да руби эту силу да ты ведь с краю всю,
А-й не заежжай ты во силу да всё в серёдочку:
А-й во серёдки накопаны рвы глубокие —
А-й провалиссе ты с конём да в эти рвы глубокия,
А-й да и схватят тибя прокляты тотарины!»
А-й да закрыл-де Данило да свою форточку.
А-й да поехал тут Михайло да в стольне Киев-град
А-й да во ту же во силу ноньче, во армею.
А-й да подъехал тут Михайло да к силы-армеи:
А-й да стоит ноньче силы дак ровно темной лес.
А-й да начал-де Михайло да розъежжати нонь.
А-й да розъехал тут Михайло да по чисту полю,
А-й да подъехал тут Михайло да к силы-армеи,
А-й да начал тут Михайлушко розмахивать:
А-й што на ту руку махнёт — дак лежит улица,
А-й на другу руку махнет — дак переулками.
А-й да рубил-де, косил дак трои суточки!

А-й говорыл ему конь да таково слово:
«А-й уж ты ой еси, Михайло да сын Данильевиць!
А-й отъежжай ты, Михайло, да во чисто полё —
А да дай мне поисть травы шолковой,
А да дай мне попить воды ключевое».
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А уж ты ой еси, конь, дак лошадь добрая!
А-й твоя во[л]чья нонь сыть да травяной мешок —
А-й россердись-ко ты, конь, дак пушше старово!..»
А начинали тут опять рубить да силу-армею —
А-й россердилсе нонь конь да пушше старово.
А-й да рубил-де, косил опять трои суточки!
А-й говорил ему конь да во второй након:
«А-й отъежжай-ко, Михайло, во чисто полё —
А-й да и дай мне поисть травы шолковой,
А-й да попить мне, коню, воды ключевоей!» —
«А-й уж ты ой еси, конь мой, лошадь добрая!
А твоя ноньче сыть да травяной мешок —
А-й розсердись-ко нонь, конь, да пушше старово!»
А-й розсердилсэ ведь конь да пушше старово —
А-й поскакали тут опять дак в силу-армею,
А-й да заехали они да во серёдочку.
А-й провалилсэ его конь, дак лошадь добрая,
А-й провалилсэ во укопы всё глубокие.
А-й да схватили тут Михайла сына Данильёва,
А-й повели тут ево да ко тотарыну,
А-й да запутали в опутины во крепкие,
А-й привели тут ево да ко татарину.
А-й говорыл-де тотарын да роспроклятые:
«А-й уж ты — ах, ты мальчишко, — да ровно бестия!
А да попал ты теперице в мои руки!
А-й да и сделайте скоре да ноньче виселичу,
А-й да повесим мы ево да на чистом поли!»
А-й да и сделали тут виселицю скорёшенько,
А-й повели-де Михайлушка на виселичу.
«А уж ой еси, Бох да ноньче Милослив!
Да за що я нонь да погибать буду?..»
А-й розвёрнул тут Михайло да руку правую,
А-й оборвал-де опутины нонь крепкие,

А-й ухватил-де тотарина нонь за ноги
А-й да и начал помахивать во все стороны —
А-й да и ровно он паличей буёвою!
А-й да добралса Михайло да до добра коня,
А-й закрычал-де Михайло да громким голосом:
«А-й уж ты ой еси, конь, моя лошадь добрая,
А-й да и выскочи, конь, да на сыру землю!»
А-й да и выскочил конь дак на сыру землю,
А-й подбежал-де к Михайлу сыну Данильёву.
А-й заскочил-де Михайлушко на добра коня,
А-й поскакал-де Михайло да ко белу шатру,
А-й да схватил-де тотарина за русы власы —
А отрубил у тотарина буйну голову,
А-й да вздел эту главу да на востро копьё!
А да скричала тут вся сила, да ноньче армея:
«А уж ты ой еси, удалой да доброй молодец!
А-й да куды нам прикажошь нонь деватисе:
А-й нам здесь ле стоять, ли за тобой итти?»
А-й говорил-де Михайло да сын Данильевич:
«А-й отправляйтесь, тотара да роспроклятые,
А-й отправляйтесь, тотара, да во свою Орду!»
А-й да поехал Михайло да в стольне Киев-град.
А-й да и ехал он силой да цельни суточки —
А-й да увидел там живого человека он:
А-й да и ходит, по туловишшам роицсэ.
А-й подъежжал-то Михайло всё поближе к ему —
А-й да увидел тут Михайло да своево оцца:
А да роицсэ по туловишшам по мёртвыем,
А-й да и ищот тут он да свуево сына.
А-й говорил-де Михайло да таково слово:
«А уж ты здрастуешь, батюшко родимой мой!
А уж ты што же ноньче да тут делаешь?» —
«А-й уежжай ты, тотарын да роспроклятые!
А-й да сниму я свою шляпу да всё пуховую,
А-й да и брошу в тибя да свою шляпочку —
А-й да слетишь ты, тотарин, да со добра коня!» —
«А уж ты ой еси, батюшко родимой мой!
А уж верно скажу: да я твой ведь сын!» —
«А-й уж ой еси, удалой да доброй молодец!

А соскочи-тко возьми со добра коня,
Да роздень ты с сибя возьми платье цветное:
А да есь у моево сына предметочка —
А под правой-де под пазухой две бородавочки!»
А-й соскочил-де Михайло да со добра коня,
А-й да роздел он с сибя да платьё всё цветноё,
А-й подошол тут к оццу свому родимому,
А-й показал тут ему да праву руку он.
А-й увидал тут старик свои придметочки,
А-й да убнял тут старик своево сына,
А-й говорил-де старик да таково слово:
«А-й да и будешь, Михайло, да на почесьен пиру —
А-й да не хвастай, Михайлушко, нечем ведь ты,
А-й да не силой своей да ты не бодросью!»
А-й роспростилсэ Михайло да со своим оццом.
А-й да поехал Михайло да в стольне Киев-ґрад.
А-й подъежджает Михайлушко ко заставы,
А-й увидали Михаила да с высока шатра —
А-й да закинули у ворот запоры крепкие.
А-й закрычал-де Михайло да громким голосом:
«А-й уж ты ой еси, Владимер, князь стольне-киевской!
А запусти ты меня да в стольне Киев-ґрад.
А я везу вам ґлаву да всё тотарскую!..»
А-й услыхал тут Добрынюшка Микитич млад,
А-й услыхал-де Добрынюшка голос Миха́йлушков —
А-й поскакал-де Добрынюшка к воротам скорей:
А-й отворят он ведь заставы нонь крепкие,
А-й запускал-де Михайлушка на двор к себе.
А-й поскакали тут они да ко дворцу ево.
А-й да увидел тут Владимер, князь стольне-киевской, —
А-й выходил-де Владимер да на красно крыльцо,
А-й да и брал-де Михайла да за белы руки,
А-й да и вёл-де Михайла да на красно крыльцо.
А-й да завёл-де ёво да во светлу грэдьню —
А-й да пошол у их пир да нонь навесели.
А-й да и стали тут они да утешатисе,
А-й да и стали тут они да веселитисе.

(Зап. А. Д. Григорьевым 19 июля 1901 г.: д. Ти́мшелье <Дорогорской вол.> — от Рюмина Федора Петровича, ок. 60 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.